

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Ветряная мельница

На холме горделиво возвышалась мельница; она таки и была горденька.

– И вовсе я не горда! – говорила она. – Но я очень просвещена и снаружи и внутри. Солнце и месяц к моим услугам и для внутреннего и для наружного употребления; кроме того у меня есть в запасе стеариновые свечи, лампы с ворванью, и сальные свечки. Смеею сказать, что я просвещена! Я – существо мыслящее и так хорошо устроена, что просто любо. В груди у меня отличный жернов, а на голове, прямо под шляпой, четыре крыла. У птиц же всего по два крыла, и они таскают их на спине! Я голландка родом – это видно по моей фигуре – «летучая голландка»! «Летучий голландец», я знаю, явление сверхъестественное, но во мне нет ничего неестественного! Вокруг живота у меня идёт целая галерея, а в нижней части – жилое помещение. Там живут мои мысли. Главная, которая всем заправляет, зовётся остальными мыслями «хозяином». Он знает, чего хочет, стои́т куда выше крупы и муки, но и у него есть ровня; зовут её «хозяйкою». Она – душа всего дела; у неё губа вообще не дура, она тоже знает, чего хочет, и знает, что ей по силам; нежна она, как дуновение ветерка, сильна, как буря, и умеет добиваться своего исподволь. Она моя чувствительная сторона, хозяин же – положительная; но оба они составляют в

сущности одно и зовут друг друга «своею половиной». Есть у них и малютки, маленькие мысли, которые могут со временем вырасти. Малыши эти поднимают порою такую возню! На днях, когда я умно и рассудительно позволила хозяину и его подручному расследовать в моей груди жернова и колёса, – я чувствовала, что там что-то не ладно, а, ведь, нужно же знать, что происходит в тебе самой! Так вот, малыши подняли тогда такую возню! А это некстати, если стоишь так высоко, как я! Надо же помнить, что стоишь на виду и в полном освещении; суд людской то же освещение! Да, что, бишь, я хотела сказать? Ах, да – ужасная возня малышей! Самый младший добрался до моей шляпы и принялся трещать языком так, что у меня защекотало внутри. Но маленькие мысли могут вырасти, я это испытала; да и извне могут прийти мысли, и не совсем моей породы: я, как далеко ни смотрю кругом, нигде не вижу себе подобной, никого, кроме себя! Но и в бескрылых домах, где мелют без жерновов, одними языками, тоже водятся мысли. Эти мысли приходят к моим и выходят за них замуж, – как они это называют. Удивительно! Да, много есть на свете удивительного. Вот, например: со мной или во мне что-то совершилось; что-то как будто изменилось в механизме. Мельник как будто переменял свою «половину» на более нежную, молодую, благочестивую и сам стал оттого мягче душой; «половина» его как будто изменилась, а в сущности осталась тою же самую, только смягчилась с годами. И вот, всё горькое улетучилось, и дело пошло ещё лучше. Дни идут за днями, всё вперёд да вперёд, на радость и счастье, и вот, наконец – да, об этом и сказано и написано в книгах – придёт день, когда меня не станет, и всё-таки я останусь! Я разрушусь, чтобы восстать вновь в ещё лучшем виде; я перестану существовать и всё-таки буду продолжать существовать. Стану другою и в то же время останусь сама собою! Мне трудно понять это, как ни просвещена я солнцем, луною, стеарином, ворванью и салом! Но я твёрдо знаю, что мои старые брёвна и кирпичи восстанут из мусора. Надеюсь, что я сохраню и свои старые мысли: хозяина, хозяйку, всех больших и малых, всю семью, как я называю их, всю мыслящую компанию, – без них я не могу обойтись! Надеюсь тоже, что я останусь самою-собою, такую,

какова я есть, с жерновом в груди, крыльями на голове и галереею вокруг живота, а не то и я не узнаю самое себя, да и другие не узнают меня и не скажут больше: «вот у нас на холме гордо возвышается мельница, но сама-то она вовсе не горда!»

Так вот что говорила мельница; говорила она и ещё много чего, но это главное.

И дни шли за днями, и последний из них был для неё последним. Мельница загорелась; пламя вспыхнуло, бросилось наружу, внутрь, лизнуло брёвна и доски, а потом и пожрало их все. Мельница обрушилась, и от неё осталась одна зола; пожарище ещё дымилось, но скоро ветер развеял дым.

С живыми обитателями мельницы ничего не случилось при этой okazji; они только выиграли. Семья мельника – одна душа, много голов, составлявших одно целое, приобрела новую, чудесную мельницу, которою могла быть вполне довольна. Мельница была с виду точь в точь такая же, как старая, и о ней тоже говорили: «вон на холме гордо возвышается мельница!» Но эта была устроена лучше, более современно, – всё, ведь, идёт вперёд. Старые же брёвна, источенные червями, истлели, превратились в прах, в золу, и тело мельницы не восстало из праха, как думала она. Она понимала всё сказанное в буквальном смысле, а нельзя же всё понимать буквально!

(Голосов: **1**. Рейтинг: **1,00** из 5)

Загрузка...